

Митрополит Иларион: Святейший Патриарх Кирилл ставит перед собой задачу максимальным образом задействовать весь потенциал Церкви

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью ведущему программы «Вести в субботу» на телеканале «Россия-1» Сергею Брилеву.

– Годовщина интронизации Патриарха Кирилла – это повод оглянуться на прошедшие пять лет. Вы ближайший соратник Святейшего. Как Вы смотрите на это время: как на период многотрудный или светлый, или, может быть, период испытаний? Какими Вам запомнились эти годы?

– Это период и светлый, и многотрудный, и период испытаний, потому что Церковь продолжает жить своей жизнью, продолжается процесс, который условно назвали «вторым крещением Руси» – он был запущен при Святейшем Патриархе Алексии II, даже чуть-чуть до того, как он стал Предстоятелем Церкви. Этот процесс начался с 1988 года. В прошлом году мы отпраздновали 1025-летие Крещения Руси и одновременно – 25-летие церковного возрождения.

Восшествие Святейшего Патриарха Кирилла на Патриарший престол, которое произошло пять лет назад, придало этому процессу второе дыхание, то есть Святейший Патриарх свою личную харизму вдохнул в процесс церковного возрождения, и за пять лет было приведено в действие очень много механизмов, которых до того либо не было вообще, либо они существовали в латентном состоянии. Например, вскоре после того, как митрополит Кирилл стал Патриархом, был создан Высший Церковный Совет, то есть орган управления Церковью, которого раньше просто не было. В него входят руководители всех Синодальных отделов, то есть церковных «министерств». Иначе говоря, прежде у нас были «министерства», но у нас не было «Совета министров», а сейчас он появился. Святейший Патриарх инициировал масштабную реформу церковного управления в Российской Федерации, в рамках которой многие крупные (либо по количеству приходов, либо по размеру территории) епархии были разделены на несколько епархий – две, три или четыре.

– И стали ближе к пастве.

– Епископы приблизились к пастве. Если раньше был один епископ на пространстве в несколько

тысяч квадратных километров, один архипастырь на 500-600 приходов, то сейчас там три или четыре епископа. При этом один из этих епископов старший, он митрополит и координирует действия других.

Теперь архиереи действительно приближены к своей пастве. Создаются новые епархиальные центры, а это значит, что и придается новый импульс процессу строительства церквей и вообще религиозной жизни.

– Есть несколько связанных с этим периодом ярких образов, которые сразу приходят на память. Многокилометровые очереди к святыням, будь то Пояс Богородицы или Дары волхвов. Есть и очень искренние, и трогательные впечатления, и скептические, даже глумливые отзывы тех, кто там был. И то, и другое – наверное, вопрос веры и, безусловно, такта. В этих очередях было огромное количество людей. Если взглянуть на результаты пятилетия, какой процент для вас важнее – тот небольшой процент, который доходит до церквей, или те 80 процентов россиян, которые стали называть себя православными?

– Важны и те, и другие, но главное, нам важны не проценты, а люди. Я с прошлого года возглавляю кафедру теологии в МИФИ – Национальном исследовательском ядерном университете. На лекциях, которые я читал там, всегда присутствовало где-то 300-400 человек, такая численность слушателей сохранялась от начала до конца спецкурса, который я вел в течение осени. По поводу создания этой кафедры была полемика, говорили, мол, зачем ядерным физикам нужна теология? А один из студентов меня спросил: «Вам не трудно к нам приходить, ведь 90 процентов наших студентов никакого отношения к вам не имеют?» Я говорю: «Да, они не имеют, поэтому здесь не сорок тысяч человек сидит, а четыреста. Но даже если бы здесь было не четыреста, а четыре, я бы все равно к вам приходил». На что студент мне ответил: «Если бы здесь было четыре, то я был бы одним из них».

Для Церкви очень важен личный контакт с человеком. Нам не цифры интересны, а люди. Эта личная обращенность Патриарха к своей пастве, личная обращенность к людям пастырей, епископов, которые до недавнего времени были в какой-то мере далеки от паствы в силу ее многочисленности, а сейчас благодаря созданию новых епархий к ней приблизились, – вот что для нас важно.

– Еще одной вспышкой стала история с танцевавшими в Храме Христа Спасителя. Даже те, кто солидарен с их политическими лозунгами, на самом деле были ошарашены тем, что произошло. Для кого-то это главный храм страны, для кого-то – памятник народному подвигу в Отечественной войне 1812 года. С этим, кажется, уже все понятно. Если они

что-то и спровоцировали, то довольно странные повороты, когда люди под лозунгом защиты Православия требуют запретить рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда» или, например, прерывают спектакль Московского художественного театра. Где золотая середина?

– Людям дороги их святыни. Храм Христа Спасителя – это тот самый храм, в который выстраиваются многокилометровые очереди для того, чтобы поклониться святыням. Люди стоят по десять, двенадцать, четырнадцать часов на морозе и не устают, не жалуются, не скандалят. Они идут в храм для того, чтобы встретиться там с Богом, чтобы поклониться святыням, и вдруг там совершается акт вандализма. Или, например, на выставке происходит перформанс с разрубанием икон... Это в Церкви называют святотатством и богохульством.

– Не только в Церкви.

– Да. Здесь никакая толерантность не уместна, потому что есть священные символы, есть священные чувства. Вспомним, например, разве не пресекается надругательство над государственными символами – над флагом, над могилой Неизвестного солдата? Разве не должно пресекаться надругательство над тем, что священно для людей?

Обидно только, что этим актам придается совершенно непропорциональное значение. Здесь, прежде всего, вопрос к прессе: почему ее интересуют скандальные истории, а не реальная огромная работа, которая ведется Церковью, людьми доброй воли? Вы всю жизнь можете проработать врачом, спасти жизнь тысячам людей, и о вас никогда не напишут в газете, не покажут по телевизору. А вот разного рода скандальные истории вызывают всеобщее внимание.

– Радикалы (простите меня за такое выражение), которые как бы с православной стороны требуют запретить показ рок-опер на религиозную тематику, не подводят вас?

– Радикализм — понятие сложное. Есть радикализм воинствующий, который мы наблюдаем на Ближнем Востоке, когда те, кого называют радикалами, совершают преступления, похищают людей, отрезают им головы. Есть радикализм, который связан с определенным консервативным настроением тех или иных людей или тех или иных групп. И такие группы нужны Церкви, потому что они не позволяют ей скатиться в пропасть либерализма – в обратную крайность. Золотая середина, конечно, заключается в том, чтобы все люди вели себя цивилизованно и вне зависимости от своих взглядов умели слушать друг друга.

Апостол Павел говорил, что в Церкви надлежит быть разномыслиям, чтобы открылись искуснейшие (см. 1 Кор. 11. 19). Вот такие разномыслия – в рамках допустимого, конечно, – не только существуют в Церкви, но и полезны для нее, как полезна для представителей Церкви конструктивная критика – не какие-то анонимные обвинения, не злобные нападки, а именно конструктивная критика.

Наши взаимоотношения с внешним миром должно быть интерактивными. Мы не только Церковь учащая, но еще и слушающая Церковь. Наша встреча с людьми всегда заключается в том, что мы не только говорим, но и слушаем.

– Вернусь к Ближнему Востоку, упомянутому Вами. Мы наблюдаем удивительную вещь в последние месяцы: по теме защиты христиан на Ближнем Востоке в унисон заговорили Патриарх Московский и всея Руси и Папа Римский. Совпадения до запятой.

– И Президент Российской Федерации.

– Что дальше? Ждать еще пять лет первой встречи с Папой, или как?

– Мы сегодня не говорим о сроках. Мы говорим, что такая встреча возможна, что она нужна Церквам, прежде всего, в контексте того, что происходит сейчас на Ближнем Востоке. Но мы не готовы сейчас говорить ни о сроках, ни о месте этой встречи, потому что нужно хорошо и тщательно подготовиться.

Есть много факторов, которые осложняют проведение такой встречи. Например, когда на Украине греко-католические священники в облачениях призывают к убийствам, как это трактовать? Как интерпретировать? Конечно, нам в Ватикане говорят, что не могут повлиять на это, потому что греко-католики автономны. Но они же, тем не менее, католики, уния ведь была католическим проектом. Это не просто проект, который связан с неким историческим этапом. На богословском уровне уже в 1993 году и православные, и католики унию осудили, признав, что она не является путем к достижению единства. Но последствия остаются. Мы видим, как эти люди действуют, как они позиционируют себя по отношению к канонической Церкви и поддерживают раскольников.

Все это, конечно, осложняет наши отношения, как бы отбрасывает нас назад. Мы хотим говорить по существу, хотим решать вопросы, вместе трудиться для защиты христиан на Ближнем Востоке, которые сейчас подвергаются настоящему геноциду. Но в то же время мы должны учитывать и существующую ситуацию, и чувства наших верующих.

– Чуть раньше мы обсудили то, как на одни и те же события по-разному смотрят рядовые прихожане. Разномыслие, упомянутое вами, наблюдается и в самой Церкви. В последние недели мы были свидетелями ярких, достаточно пассионарных интервью. Что для Вас бо́льшая проблема – вынос сора из избы или наличие сора?

– Конечно, бо́льшая проблема – наличие сора. Но, во-первых, наличие сора нужно доказать. Во-вторых, сор нужно выметать из избы собственными силами, а не выносить его на всеобщий суд, потому что тем самым подрывается авторитет Церкви. Нельзя забывать, что очень часто впоследствии оказывается, что прозвучавшие обвинения не обоснованы, не соответствуют действительности. Однако конкретный человек уже оклеветан, авторитет Церкви подорван.

Конечно, Церковь не боится этих нападков, потому что продолжает нести свое служение. Я вспоминаю, например, как Святейший Патриарх Кирилл, еще будучи митрополитом, подвергался нападкам со стороны одного журналиста, который публиковал с периодичностью примерно раз в месяц свои статьи, наполненные всякой фантазмагорией. Однажды у меня, тогда еще епископа Венского, был в гостях митрополит Кирилл. Мы гуляли по городу, и я его спросил: «А почему Вы не отвечаете на эти нападки?» Митрополит Кирилл сказал: «Мой ответ заключается в том, что я буду продолжать делать свое дело». Вот таким и является ответ Церкви на любые несправедливые нападки. А если есть конструктивная критика, мы всегда готовы к ней прислушаться, и мы к ней прислушиваемся.

– Владыка, это может быть, странный вопрос, но Святейший для Вас кто? Я понимаю, есть церковная иерархия. Он вам, говоря светским языком, начальник. А еще?

– Он для меня, конечно, начальник и близкий человек. Наверное, в значительной степени я могу считать себя его единомышленником – все-таки с 1995 года работал в его команде. Надеюсь, что чему-то от него научился. Святейший Патриарх Кирилл для меня – очень большой авторитет, я постоянно от него чему-то учусь.

Работа с ним – непростая работа. Например, готовишь ты позицию по какому-то вопросу, приносишь ее Патриарху, а он говорит тебе совершенно другие вещи. Иной раз ты думаешь: а почему так происходит? И понимаешь, что он все видит с другой перспективы, как бы со своей колокольни, более высокой. Поэтому практически всякая встреча с ним – это урок, это возможность по-новому оценить какие-то очень важные вещи.

Должен сказать, что меня всегда поражала широта эрудиции и интересов Святейшего Патриарха. Было немало случаев, когда я мог в этом убедиться. Например, приехал как-то митрополит Кирилл в Оксфорд. Я был еще священником, в то время учился в Оксфорде, и решил показать ему город,

устроить экскурсию. Но на деле оказалось, что это он мне рассказывал об архитектурных стилях. И я, два года прожив в Оксфорде, за эту одну прогулку увидел город другими глазами. Так это происходит с очень многими аспектами жизни, с нравственными проблемами, с духовными вопросами. Думаю, что для всех, кто работает с Патриархом непосредственно, – это, конечно, трудная работа, которая требует напряжения всех сил, но очень благодатная, потому что ты постоянно чему-то учишься, не стоишь на месте.

– Один из зримых результатов служения бывшего митрополита, а ныне Патриарха Кирилла – начало дискуссии о традиционных ценностях. Церковь была инициатором этой дискуссии и внутри России, и в значительной степени в Европе. Что такое традиционные ценности в понимании Русского Православия?

– Традиционные ценности – понятие, которое звучит расплывчато и абстрактно, но для нас оно наполнено совершенно конкретным содержанием. Причем содержанием не теологическим, а антропологическим, поскольку имеет отношение к реальной человеческой жизни. Вот пример, который сейчас достаточно широко обсуждается: что такое семья? Мы говорим, что семья – это союз мужчины и женщины, который создается по любви и одной из целей которого является рождение и воспитание детей. Нам либеральный мир говорит: «Ничего подобного, семья – это любой союз любых людей, к примеру, двух мужчин, двух женщин, может быть и еще какая-то конфигурация. Дети – это лишь одна из опций, совсем необязательная».

То есть мы видим, что идет сознательный демонтаж семьи, причем он приводит к конкретным последствиям – демографическому кризису, социальным проблемам. Он приводит к столкновениям, когда миллион людей выходит на улицы Франции для того, чтобы заявить о своей поддержке традиционного понимания брака, а государство их разгоняет слезоточивым газом и дубинками. При этом нам говорят, вот это – демократия, свобода, что и у нас должна быть такая свобода, а сейчас права человека нарушаются, потому что, видите ли, представителям сексуальных меньшинств возбраняют пропагандировать свой образ жизни среди несовершеннолетних.

Я думаю, что для нас эти вопросы очень серьезные. Они касаются права наших людей сохранять свою идентичность, свои семьи. Это право нашего народа на воспроизводство и, в конечном итоге, на будущее.

– По Вашим ощущениям, большинство россиян на вашей стороне? Вы социологические исследования проводите?

– Мы уверены, что большинство россиян на нашей стороне. Я думаю, что если вы просто выйдете

на улицу и спросите людей: «Что для вас семья?» – то абсолютное большинство ответит так же, как отвечаем мы.

– Владыка, когда Святейший ставит перед Вами задачи, Вы полагаете, что он ориентируется на решение задач в элите или в народной среде? Возможно, это странный вопрос, но имеет право на существование.

– Церковь ориентирована не на элиту, а на народ. Но, как я сказал, она ориентирована не на безликие народные массы, а на конкретного человека. Поэтому наша работа точечная, пастырская. Мы работаем с конкретными людьми.

Кроме того, Церковь – это не только духовенство. Когда мы говорим, что работаем с людьми, нужно понимать, что такая работа не ограничивается тем, что священники, допустим, исповедуют прихожан или встречаются с ними и дают советы. Вся система внутрицерковного общения, в том числе общение мирян между собою, – это тоже церковная работа. За последние пять лет очень возросла роль мирян в нашей церковной жизни, в том числе в церковном управлении. Сейчас миряне участвуют в Межсоборном присутствии и обсуждают те документы, которые будут потом приниматься Архиерейским Собором. Сегодня в каждом приходе, который способен это финансово понести, помимо регента, псаломщика, есть еще миссионеры, социальные работники, есть преподаватели. Все эти должности в основном исполняются мирянами.

Поэтому роль мирян сегодня в жизни Церкви значительна. В этом, конечно, немалая заслуга Святейшего Патриарха, который, как я думаю, ставит перед собой задачу максимальным образом задействовать весь потенциал, который существует у Церкви. А наш потенциал – это миллионы людей, которые готовы выполнять в этом мире миссию служения добру.

– Последнее. Если не секрет, какой подарок Вы приготовили Святейшему Патриарху к годовщине интронизации?

– Это секрет. Я его уже подарил.